

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Межвоенные десятилетия

Некоторые историки называют период, начавшийся в 1914 году «коротким двадцатым веком». Действительно, война стала одним из поворотных пунктов Нового времени. Она продемонстрировала как разрушительный, так и мобилизационный потенциал современного государства, оснащенного современной армией, бюрократическим аппаратом и всеми остальными благами технического прогресса. Будучи отражением довоенной политики и культуры, она, тем не менее, создала условия для критического пересмотра ценностей викторианской эпохи. С войной начался новый – и, как оказалось, предпоследний – этап в истории европейского колониализма; не оспаривая напрямую правомерности существования колониальных империй, принципы, озвученные на Парижской мирной конференции, нашли свое применения в риторике антиколониальных движений.

Война, последующая за ней пандемия гриппа, сопровождаемая болезнями и голодом гражданская смута на территории бывшей Российской империи стали причиной смерти как минимум 4 процентов мирового населения. За счет высокого естественного прироста, численность быстро восстановилась, и уже в 1927 году достигла отметки в 2 миллиарда человек.

Тем не менее, война ознаменовала перманентное смещение центра демографической тяжести. Так, если в Европе, включая Россию, в 1913 году проживало 28 % мирового населения, то к 1950 году, этот процент снизился до 22% (на текущий момент, около 12 % живут на территории Европы и бывшего Советского Союза). Одновременно с этим резко увеличилась демографическая доля Азии, Латинской Америки и Африки.

Уменьшение доли европейского населения стало результатом, последовавшим за падением смертности уменьшением уровня рождаемости. В свою очередь низкая рождаемость европейцев была обусловлена комбинацией долгосрочных структурных изменений и временных, вызванных мировой войной, явлений. Индустриализацию, урбанизацию и связанных с ними изменения в практике производства и потребления следует отнести к первым. Среди временных явлений, внесших свой вклад в спад темпа роста населения, можно выделить неожиданно долгое и болезненное экономическое восстановление после 1919 года: практики приспособления к новым условиям запечатлелись в изменившихся представлениях о семье и, в частности, о роли женщины в ней.

Люди, достигшие совершеннолетия к началу 20 века, в течение одного поколения столкнулись с необходимостью пересмотра своих фундаментальных представлений о структуре и свойствах действительности. Наука, популяризированная благодаря новым средствам коммуникации, предоставляла как эмпирический материал, так и теоретическое обоснование, соединяюще парадоксальные наблюдения в единое целое. Пришедшая на замену ньютоновской механике квантовая физика отождествляла материю с определенной формой энергии; материя теряла свою успокаивающую «твердость», став чем-то неосознаваемым, абстрактным, эластичным и взрывоопасным. Границы, отделявшие категории вещей друг от друга, еще недавно казались отражением присущей вселенной рациональности. Внезапно, с приходом принципа неопределенности, утверждавшим невозможность одновременного установления позиции и скорости субатомных частиц, концепции, категории и межконцептуальные различия превратились в производные перспективы – пусть и научной, но в любом случае культурно обусловленной, и следовательно, безнадежно ограниченной.

В таком, популярном, прочтении, наука могла только санкционировать попытки критического осмысления человеческого опыта; толчком же к такому действию могла стать травма, или шок, т. е. война, принесящая страдания невиданного масштаба, и предоставившая небывалое количество документальных свидетельств этих страданий для всеобщего обозрения. В глазах общества, обнаружившего глубинные корни мировой бойни в интеллектуальном климате довоенной эпохи, традиционные нормы выглядели основательно дискредитированными. Отказ от них стал лейтмотивом исканий послевоенного – «потерянного» – поколения. Формы художественного выражения, отбросившие правила академизма, реализма и натурализма, из бунтарских обратились в господствующие; за Кандинским, еще задолго до войны выдвинувшим тезис о внутренней, чувственной, природе цвета, пришел Пикассо, разложивший пространства и тела на субъективно воспринимаемые составляющие. В литературе на смену классическому роману Флобера и Толстого пришел освобожденный от императива видимой «законченности»

«поток сознания» Пруста и Джойса. Философы, отбрасывая рациональность, как предрассудок, прислушивались к интуитивным, иррациональным, или надрациональным элементам в отдельном сознании и в Бытие в целом. Зигмунд Фрейд, продолжая работу над ролью подсознания, пришел к выводу, что насилие является результатом подавления обществом скрытых, подсознательных импульсов, желаний и глубинных страхов. Ему во многом вторили этнографы и антропологи послевоенной эпохи, нашедшие, по следам Маргарет Мид, оазисы гармонии и сексуальной свободы на островах Полинезии, и реабилитировавшие вместе с Лусьеном Леви Брюлем, «примитивные», «дологические», формы мышления.

Сдвиги в научных парадигмах, новаторство в живописи, музыке и литературе, погружение в область «иррационального», «первичного», не вписывающегося в иерархию линейного прогресса материала происходили одновременно с масштабными экспериментами в социополитической сфере. Конец войны, как распад Советского Союза, должен был ознаменовать наступление эры либерализма и либеральной демократии. Количество республик в одной Европе увеличилось с трех в 1914 году до двенадцати семью годами спустя. Новые конституции состязались в предоставлении прав всем слоям населения и в создании наиболее репрезентативных парламентов. Женщины, к примеру, получили право голоса во всех новых республиках – даже в относительно традиционных и патриархальных обществах в восточной половине континента.

Эйфории не суждено было продлиться долго. Сложности, связанные с экономическим восстановлением, воспринимались как доказательство слабости, или даже несостоятельности демократических институтов перед лицом вызовов послевоенной эпохи. «Коллективная воля», по представлению многих разочаровавшихся современников, не находила своего отражение в межфракционных дебатах, постоянных министерских кризисах и бесконечных выборах. Более уместным, им казалось, были режимы, наделенные сильной исполнительной властью. Только какие режимы, с какой социальной основой и какими конечными намерениями? Этот вопрос остро стоял в межвоенное время, благо альтернативы либерализму предлагались как слева, так и справа.

Советский Союз являл собой наиболее радикальную и в тоже время конкретную «левую альтернативу» либеральной модели. Вышедшие победителями из Гражданской Войны, большевики были в теории единодушны: стране, как в целях собственного выживания, так и дальнейшего экспорта революции, требовалась глубокая индустриализация. На практике, при соприкосновении с реалиями преимущественно аграрного общества, от этого единодушия ничего не оставалось. Одни стояли за безотлагательное и форсированное строительство тяжелой индустрии; другие же, ссылаясь на возможную реакцию крестьянства, предлагали более сдержанное и, как им казалось, экономически сбалансированное, развитие.

Ленин, предложивший в 1921 году Новую Экономическую Политику (НЭП), попытался найти компромисс: крестьянам было позволено продавать излишки своего труда – т. е. заниматься частным предпринимательством – с важной оговоркой, что они в ближайшей перспективе должны были стать источником финансирования для развития индустрии. Со смертью Ленина дебаты разгорелись с новой силой, тем более что распределение власти в оставшейся без вождя партии зависело напрямую от того, чья модель развития страны возобладеет.

Благодаря умелому лавированию между позициями и внутри-партийными фракциями, к 1927 году победителем из споров вышел Генеральный Секретарь Партии Иосиф Сталин. Являясь двумя годами ранее сторонником НЭПа, он объявил о свертывании этой программы и о начале «великого перелома» – форсированной индустриализации любой ценой. С целью заставить крестьян заплатить за создание предусмотренных первым Пятилетним планом промышленных гигантов, большевики провели квази-тотальную коллективизацию села; их продукция должна была идти на поддержание быстро растущего контингента рабочих и на покупку машин из-за рубежа.

С 1928 года – то есть с момента начала строительства промышленности – страна находилась в состоянии внутренней войны, только врагами теперь являлись не кадеты, эсеры, или сторонники восстановления монархии, а те, зачастую «невидимые» глазу элементы, которые противились как темпу индустриализации, так и используемым методам. К ним непосредственно относились широкие слои крестьянства – именуемые большевиками

«кулаки» и часть «середняков» – «буржуазные специалисты» (технические специалисты, получившие образование до Революции), уклонисты от «генеральной партийной линии», всевозможные мнимые «вредители» и многие другие. С ними обращались по законам военного времени: тюрьмы, расстрелы и массовые ссылки стали неотделимой частью советской действительности. К крестьянам государство применяло самые жестокие меры, массовым голодом сломав в них всякую волю к сопротивлению. Внешне государству удалось добиться внушительных результатов, увеличив за пять лет производство угля и чугуна почти в два раза, а выработку энергии почти в три. Однако цена была невероятно высокой: миллионы сосланных и умерших от голода, деморализация села, болезненный крен в сторону тяжелой промышленности, рост репрессивного аппарата и устранение последних очагов плюрализма в обществе.

Пока Сталин строил социализм в отдельно взятой стране, количество международных сторонников коммунизма росло. Одной из наиболее значимых коммунистических партий за пределами СССР стала основанная в 1921 году Коммунистическая Партия Китая (КПК). С 1922 года она сотрудничала с другой политической силой – националистической партией Гоминьдан Сунь Ятсена. Вместе, они выступали за восстановление единого Китая, поделенного после смерти Юань Шикая между отдельными «военными правителями», так называемыми «дюцзунями». В 1926-1927 гг. силы националистов и коммунистов, ведомые новым лидером Гоминьдана Чаном Кайши, предприняли поход в центральные и северные области страны. Результатом операций стал разгром военных диктаторов и объединение Китая. Этот успех, однако, ознаменовался концом альянса между КПК и Гоминьданом: в апреле 1927 года, Чан Кайши, опасаясь роста влияния коммунистов, санкционировал массовую резню последних, объявив партию вне закона. Не сумев, однако, одним ударом избавиться от своих коммунистических противников, глава Гоминьдана был вынужден смириться с фактом начала гражданской войны, осложнившейся вскоре японским вторжением.

Коммунисты были представлены широко и в Европе, однако здесь политический маятник качнулся в обратную сторону. Анти-большевизм, подогреваемый редкими новостями из страны советов, национализм, ущемленный в своих амбициях, ощущение цивилизационного упадка, преклонение перед властью и презрение к демократии, как к симптому национальной слабости – все это вместе с дезориентирующими эффектами интеллектуальных и технических изменений создало почву, на которой выросли многочисленные авторитарные правые партии. От традиционных правых – консерваторов, монархистов, клерикалов и прочих критиков либерального наследия Французской революции – новых правых отличала массовость организованных ими движений. Не претендуя на инклюзивность, они, тем не менее, стремились привлечь на свою сторону самые различные слои общества. Их политика являла собой пример совершенного театра власти, дающего возможность каждому почувствовать себя соучастником. Эта театральность – способность инсценировать обещаемое национальное величие – не в меньшей степени, чем содержание их программ, была источником силы и живучести правых.

Италия стала одним из первых Европейских государств, испытавшей на себе действие «правой революции». Конец войны не соответствовал ожиданиям итальянцев; небольшие территории, приобретенные от обломков Австрийской империи, компенсацией за жертвы, понесенные страной, считать было сложно. К неудовлетворенности результатами войны добавилась вызванная экономической рецессией социальная нестабильность. В возросшей активности профсоюзов, в демонстрациях и скачках элита с ужасом угадывала симптомы большевизма, готового превратить Итальянское королевство в новую советскую республику.

В роли «спасителя от большевизма» выступил бывший социалист, ветеран и талантливый журналист Бенито Муссолини. После войны он встал во главе новой политической организации – «Национальной фашистской партии», ядро которой состояло из таких же как он, движимых идеей экспансии, не доверявших либеральным министрам ветеранов войны. Эта партия сразу же показала свою эффективность в борьбе с левыми. В награду за это, в октябре 1922 года, король – т. е. либеральная промышленная элита севера и консервативные землевладельцы юга – предложил Муссолини пост премьер-министра.

Последний без особых раздумий согласился, организовав, правда, театральный «марш на Рим». Атмосфера «чрезвычайного положения» сыграла ему на руку: воспринимаемый в качестве временной меры, Муссолини и фашисты в течение пяти лет монополизировали власть, покончив с элементами парламентаризма в Италии.

Фашисты сразу провозгласили себя революционерами. Их идеалом – на словах – было подчиненное цели национального величия общество. Государству уделялась особая роль – одновременно проектировщика и исполнителя; она должна была стать концентрацией общественной воли и носителем народного мандата.

Фашисты гордились тем, что покончили с классовой борьбой, объединив рабочих и работодателей в корпорации, вдохновленные, в свою очередь, средневековыми гильдиями и цехами. В действительности же, им удалось покончить с рабочим движением, запретив часть профсоюзов и подчинив оставшиеся партии и правлению. В конечном итоге, функция фашистов сводилась не к тому, чтобы провести свою – фашистскую – революцию, а к тому, чтобы уберечь Италию от революции как таковой, сохранив структуру общества нетронутой.

Успех фашистов в стабилизации социальной и экономической обстановки в стране вдохновил к действию ряд других правых авторитарных движений. Помимо Италии, Венгрия, Португалия, Польша, Румыния, прибалтийские государства пошли в 20-х годах по пути диктатуры. Кризисы 30-х годов приведут к новому витку в росте европейского авторитаризма, что даст целому ряду наблюдателей возможность говорить о демократии, как о преодоленной стадии исторического развития.

Особняком от правых авторитарных европейских режимов стояла Турция Мустафы Кемалья, прозванного Ататюрком («отцом турок»). Последний пришел к власти в результате драматичных событий, последовавших за поражением и распадом Османской Империи в 1918 году. Подписанный в Севре мирный договор предполагал Турцию, поделенную на сферы влияния, то есть фактически лишенную суверенитета. Мустафе Кемалю, герою войны, удалось объединить разрозненные силы националистов и изгнать после изнурительной войны занимавшую треть Анатолии греческую армию. Этот и другие успехи (раздел, совместно с Советами, Армении) стал поводом для кардинального пересмотра условий Севрского договора: союзники оставляли за турками всю Малую Азию и часть восточной Фракии, уходили из зоны проливов и отказывались от контроля над экономическими и финансовыми ресурсами страны.

Став фактически диктатором нового государства, Кемаль использовал имеющиеся у него ресурсы для модернизации и секуляризации Турции. Были проведены реформы в языке, гражданском праве, образовании. Этнические меньшинства объявлялись «турками» даже если это шло вразрез с их национальными устремлениями. Изменился и внешний вид граждан республики: мужчинам и женщинам законом предусматривалось ношение западной одежды в соответствии с убеждением, что отсталость являлась не только результатом несостоятельности социальных, военных и экономических институтов, но и самовоспроизводящимся продуктом образа жизни. В этом, кемалевская модернизация интересным образом перекликалась с проводимой в СССР культурной революцией, направленной на создание нового, готового к благам социализма, советского человека.

Невзирая на идеологические различия, фашизм, сталинская индустриализация, и реформы Ататюрка свидетельствовали о новом балансе сил во взаимоотношениях государства и общества. Закалённое войной государство не торопилось вернуться к своему довоенному состоянию; полученные им навыки можно было использовать для масштабной общественной инженерии. Эти проекты представлялись как жизненная необходимость, тем более что война, закончившись в 1918 году, продолжала жить на передовицах газет, в призывах к самопожертвованию, в планах руководства и в репрессиях против объявленных врагами группами из «несогласных» или просто не выказывающих должного энтузиазма граждан.